

- 4 Блищенко И.П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М.: Изд-во МНИМП, 1999. С. 12.
- 5 *Brownlie I.* Principles of Public International Law. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. P. 21.
- 6 Publications of the Permanent Court of International Justice. 1925. Ser. B, № 10. P.21.
- 7 International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. 1949. Vol. 182. P. 3.
- 8 Publications of the Permanent Court of International Justice. 1926. Ser. B, № 13. P. 18.
- 9 Law Report of Trials of War Criminals. 1949. Vol. 6. P. 34.
- 10 *Ibid.* Vol. 10. P. 69, 144.
- 11 *Хартли Т.К.* Основы права Европейского Сообщества. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. С. 87.
- 12 В соответствии со ст. 35 Договора о Европейском Союзе Суд ЕС также уполномочен выносить преюдициальные решения в рамках сотрудничества полицейских служб и органов правосудия в уголовной сфере (третьей опоры Союза) по запросам государств, признавших его юрисдикцию в этой сфере в установленном порядке.
- 13 О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: Постановление № 8 Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. // Рос. газета. 1995. № 247. 28 дек.
- 14 Arrêt du 06/10/1982, CILFIT vs Ministero della Sanita, affaire 283/81 // Recueil de jurisprudence. 1982. P. 3415.
- 15 Arrêt du 19/12/1968, Salgoil vs Ministero del commercio con l'estero, affaire 13/68 // Recueil de jurisprudence. 1968. P. 661.
- 16 *Rasmussen H.* Why is Article 173 Interpreted against Private Plaintiffs? // European Law Review. 1980. Vol. 5. P. 112.
- 17 *Foster N.* Foster on EU Law. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006. P. 192.
- 18 Arrêt du 27/03/1963, Da Costa en Schaake NV e.a. vs Administratie der Belastingen, affaire 28/62 et 30/62 // Recueil de jurisprudence. 1963. P. 61.
- 19 Arrêt du 13/05/1981, International Chemical Corporation vs Amministrazione delle finanze dello Stato, affaire 66/80 // Recueil de jurisprudence. 1981. P. 1191.
- 20 *Weiler J.H.H.* The constitution of Europe: «Do the new clothes have an emperor?» and other essays on European integration. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. P. 194.

УДК 316.75

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ ИДЕОЛОГИЙ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В.И. Головченко

Саратовский государственный университет,
кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: jurid@info.sgu.ru

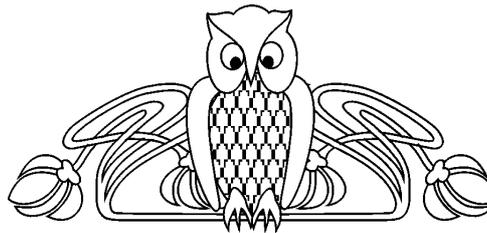
В статье дается научный анализ и осмысление важнейших проблем политических реалий современной России. Подчеркивается, что идеология является важнейшим фактором политической жизни, которой приходится учитывать основным субъектам политики современной России.

Evolution of the Role of Ideologies in the Post-Soviet Period

V.I. Golovchenko

The paper analyses and tries to understand some important problems of the political realities of the modern Russian Federation. Ideology is emphasized to be a most important factor of political life, it should be taken into account by all the main subjects of the politics in the Russian Federation.

Становление новых общественных отношений серьезно изменило место и роль идеологии в политической жизни России. Внедрение в общественную практику многообразных демократических институтов, конкурентных избирательных механизмов, использование коммуникативных технологий взаимоотношений между властью и

обществом, многопартийность стали важнейшими факторами становления и развития политических идеологий.

Идеология является важнейшим фактором политической жизни, который приходится учитывать основным субъектам политики. Сколько бы ни писали в разные годы о «конце идеологии», история XX и начала XXI века в целом свидетельствует скорее о значительном росте ее эффективности и влияния, в сочетании с воздействием современных электронных средств массовой коммуникации и Интернета. Особенно возросла их роль после прихода к власти Президента В.В. Путина и последующего усиления роли политических партий как важнейших субъектов политики и носителей соответствующих идеологий.

Опыт российских общественных преобразований последних двух десятилетий убедительно показал, что идеологический дискурс не ограничивается концепциями, создаваемыми интеллектуалами, и охватывает различные сферы общественного и индивидуального сознания – от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении вне зависимости от

того, истинны эти представления или ложны¹. Речь идет о роли актуализированных идеологий (т.е. усвоенных) как факторе политического поведения населения, независимо от того, имеют ли идеологии повседневный характер, привнесены ли религией, либо являют собой трансформацию научных знаний в «программу поведения».

Для населения это может звучать как ответы на вопросы: кто мы? в чем смысл нашего существования? куда мы идем? как туда попасть? какую социальную цену можно заплатить за это продвижение? на какие жертвы можно пойти во имя достижения цели?

Только имея ответы на данные вопросы, может быть сформулирован конкретный, убедительный и привлекательный образ ближайшего и отдаленного будущего. В этом случае идеология становится движущей силой общественного развития, выступает не только как механизм политической социализации, но и как инструмент политической мобилизации общества.

Российские либералы ответить на данные вопросы и внятно сформулировать привлекательные цели для всего общества не смогли, несмотря на то, что использовали достаточно мощную коммуникационную индоктринацию российского населения с помощью пролиберально настроенных СМИ. Одной из важнейших причин, на наш взгляд, стала абсолютизация возможностей коммуникационных технологий. В соответствии с ними *социальный мир* рассматривается как множество *теорий* и идеологий, произведенных и усвоенных взаимодействующими людьми. Имея в виду мириады коммуникаций, происходящих между людьми, можно говорить о том, что «личные знания» людей — это среда, в которой рождаются, реплицируются, видоизменяются (мутируют) и исчезают теории. В ходе этих процессов происходит преобразование теорий и идеологий из субъективной формы в доступную для восприятия другими людьми объективную форму².

Однако российские радикальные реформаторы недооценили тот факт, что усвоение индивидами теорий и идеологий носит субъективный характер, через призму уже имеющихся и устоявшихся ценностных и идейных установок и стереотипов. Поэтому ответные суждения/действия российских граждан в значительной степени были неадекватны тем ожиданиям, на которые рассчитывали либеральные идеологи.

Важнейшими функциями идеологий являются легализация существующей политической системы и обоснование претензий на власть какой-либо партии или общественно-политического движения (либо обоснование необходимости замены политической системы на новую). Идеи, находящие поддержку у населения, повышают легитимность данных претензий и легитимацию конкретного политического режима, усиливают государственную власть и соответственно уве-

личивают эффективность общественных и государственных преобразований.

Любая политическая система объективно заинтересована в формировании политической культуры, адекватной целям и задачам государства и использует для этого все имеющиеся механизмы политической социализации и пропагандистские ресурсы. В этом смысле наиболее эффективным инструментом представляется конкурентная деятельность носителей различных идеологий, объединенных наличием единого ценностного фундамента и признанием конституционно закрепленных правил игры. При таком условии идеологии — мощное объединяющее средство, без которого любое государство разваливается, теряет свою монолитность. Отсутствие такой предпосылки во многом стало ключевой причиной, объясняющей отсутствие для российского населения массовой институциональной и идеологической легитимности властных структур, возглавляемых российскими реформаторами-либералами, и соответственно слабая электоральная их поддержка.

Кроме того, идеология нужна не только государству, но и населению. Идеология не просто совокупность определенных идей. Это система воззрений на мир, общество и человека, государство и человека, система, определяющая ту или иную ценностную ориентацию (это — хорошо, это — плохо) и линию поведения. Ее отсутствие ведет к утрате координат, позволяющих человеку ориентироваться в обществе, и, как следствие, социальная реальность для некоторых оказывается лишней смыслом, а будущее выглядит неопределенно.

К. Манхейм утверждал, что идеологии, «придающие смысл, оценивающие определенная», выполняют важную функцию, поскольку они стабилизируют действительность, создают возможность для одинаковой оценки ситуации людьми, которые принадлежат к одной группе. Разделяемые смысловые значения являются предпосылкой коллективных действий; при этом они как бы «упрощают и унифицируют... многообразие жизни», поскольку отсекают «всякую другую конфигурацию и организацию данных». Почва для идеологий оказалась подготовлена, когда с утратой доминирующего положения церкви «господствовавшие ранее табу, которые делали людей невосприимчивыми по отношению к смысловым значениям из других источников, потеряли свою прежнюю силу» и «каждая оппозиционная группа получила возможность открыто заявить о своих, противоположных существующим, смысловых значениях, соответствующих ее собственному пониманию мира». Свообразие и характер структуры сознания, ее зависимость от определенной социальной сферы характеризует, по мнению К. Манхейма, идеологичность человеческого мышления, которая не рассматривается как неправда, ложь и т. д. Идеологичность определена оценоч-

но-ориентирующей функцией сознания, которая направлена либо на сохранение действительности (в терминологии Манхейма собственно «идеология»), либо на ее изменение (утопия)³.

Следуя взглядам К. Манхейма, П. Бергер и Т. Лукман полагают, что влиянию идеологического контекста подвержено все человеческое мышление, за исключением математики и некоторых областей естествознания⁴.

Аналогичную мысль формулирует Н. Луман. «Опора всякой идеологии, – пишет он, – состоит прежде всего в некоммуницированности проблемы, с которой идеология связана, в зашифровке того, что ее вдохновляет, в невидимости ее исходного пункта»⁵. Необходимость выдать частный интерес за всеобщий, использование для этого «идеализированных» фраз и представлений обусловлены основной функцией идеологии – консолидировать и направлять поведение социальных общностей.

Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Обычно имеется в виду материальная сила теории. В то же время неправомерно постулировать «нетеоретичность» обыденного сознания и сводить его к общественной психологии. Маркс, считавший, что идеология создается «мыслителями» класса, не отрицал того факта, что «на основе материальных условий и общественных отношений» весь класс творит не только своеобразные чувства и иллюзии, но и образы мысли и мировоззрения⁶.

В современной социальной феноменологии показано, что регуляция поведения осуществляется с помощью актуализированных, повседневных теорий, концептуализирующих ценности и интересы. По мнению Л.Г. Ионина, усвоение теории в повседневной жизни «начинается уже в практике приспособления поведения к внешним требованиям культурной формы и носит характер постепенного разъяснения, понимания и уточнения смысла символических аспектов поведения»⁷.

Сходство актуализированной («обыденной», «повседневной») идеологии и идеологии «специализированной» состоит в том, что и та, и другая используют механизмы легитимации. Под легитимацией понимается объяснение и оправдание институционального порядка, придание ему ценностно-нормативного характера. При этом легитимация связана не только с ценностями, но и со «знанием»⁸. Легитимация, осуществляемая повседневным сознанием, предполагает определенное теоретизирование, которое обращено к ценностным представлениям, а «знания», используемые при легитимации, имеют мотивирующий характер.

Легитимация как раз направлена на то, чтобы частный интерес выглядел как общий, в той или иной степени массовый. «Например, расовое мифотворчество американского Юга, – пишет П. Бергер, – служит легитимации социальной

системы, в которую входят миллионы людей. Идеология «свободного предпринимательства» способствует маскировке монополю действующих крупных корпораций, у которых если и осталось что-то общее с предпринимателями старого образца, так это постоянная готовность надуть своих сограждан»⁹. Легитимация массовым сознанием каких-либо институциональных порядков не сводится к простому повиновению. Легитимность порядка – это авторитетность, вера в его правомерность и справедливость, что, в свою очередь, предполагает абстрактные представления о правомерности и справедливости.

П. Бергер и Т. Лукман выделяют четыре уровня легитимации. Первый уровень – дотеоретический – включает простые обозначения языка, устанавливающие статусные позиции. Второй уровень содержит уже теоретические утверждения, хотя и в зачаточной форме. К ним относятся различные объяснительные схемы, которые непосредственно связаны с конкретными действиями, в частности, моральные максимы, сказки, легенды и другие способы интерпретации жизненного мира. На третьем уровне легитимация специализированна, выходит за пределы практического применения и становится «чистой теорией». «Четвертый уровень легитимации, – по Бергеру и Лукману, – составляют символические универсумы, ... имеющие отношение к реальностям, отличным от реальностей повседневной жизни»¹⁰.

Можно ли считать, что «повседневные теории» тождественны по своему содержанию специализированным теориям? Например, можно ли считать, что «символические универсумы» вообще не функционируют в повседневном сознании? В рамках исторической антропологии убедительно доказана относительная самостоятельность двух идеологий – «писанной», творимой интеллигенцией, и «неписанной», имеющей хождение в массах. Например, нет оснований отождествлять официальную коммунистическую идеологию с тем комплексом идей, которые разделялись «народом» и определяли поведение большинства населения. Идеологию «советского человека» нельзя считать лишь примитивизированной марксистско-ленинской идеологией. Проблема двух культур и идеологий решается в данном случае как проблема «двоемыслия», несоответствия официального и неофициального, которому были подвержены и «верхи», и «низы» советского общества. Такая двойственность, бинарность нормативно-ценностных регуляторов может считаться свойством любых социокультурных систем и эпох¹¹, но именно в советском обществе двоемыслие становится тотальным, ничем не ограниченным¹².

В период радикальной ломки 1990–1991 гг. роль своеобразного посредника между различными представлениями, а также представлениями и объективными характеристиками, играли политические взгляды и оценки. Именно они

были ведущими по отношению к различного рода социально-экономическим представлениям.

На основании политических представлений можно было с большей вероятностью судить об ориентациях в сфере распределения, отношении к различным видам собственности. И наоборот, данные о социально-экономических представлениях не позволяли сделать достаточно надежный вывод об отношении к политической власти. Политические представления тогда связывались, скорее, с более абстрактными и терминальными ценностями, чем с более частными и конкретными¹³.

Падение авторитета коммунистической партии явилось решающим фактором девальвации идей социализма вообще и социалистических представлений в частности. Разрушение обыденной социалистической идеологии началось с отказа от «идеи социализма», выраженной в пропагандистской терминологии и воспринятой в свое время как символическая культурная форма, степень усвоения которой соответствовала авторитетности передающего института. Социалистические идеи, транслируемые коммунистической партией как «теории» социализма, трансформировались обыденным сознанием и воспринимались в соответствии с теми «первичными» представлениями, которые формировались в процессе непосредственной жизнедеятельности.

Понятие «социализм», как и понятие «демократия» функционировали в обыденном сознании как термины, имеющие разные, порой противоположные смыслы. Уже в первые годы перестройки эти понятия перестали играть формообразующую роль в системе повседневных представлений.

Идея социализма постепенно вытеснялась идеей рынка. Однако связанные с этой идеей представления также носили характер вторичных верований, так как были восприняты от авторитетных в тот период реформаторов. Идея рынка не была укоренена в обыденном сознании первичными верованиями, но она достаточно органично стыковалась с теми из них, которые до этого олицетворяли «социализм с человеческим лицом», «гуманный социализм» и т.д. Доминировали позиции: «создание условий для гармонического развития личности», «социальная справедливость», «гарантированная занятость», «распределение по труду»¹⁴.

Эти «характеристики социализма» вполне вписывались и в так называемую «рыночную идеологию», которую население не отождествляет с капитализмом. «Капитализм» как формирующая повседневную идеологию идея не утвердилась в обыденном сознании. Подобное отторжение неравномерно объяснять пережитками тоталитарного прошлого. При анализе «посткоммунистической ментальности» следует учитывать стремление людей к стабильным социальным ценностям, желание сделать ясной картину мира. Недемократические настроения зачастую вызы-

ваются чувствами беспокойства, неустойчивости и неизвестности, которые возникают в моменты политического кризиса.

Однако и в постсоветской России такая бинарность продолжает иметь место. Например, социологические исследования показывают, что население поддерживает экономику свободного рынка лишь на уровне общих постулатов, т.е. прорыночная идеология еще не свидетельствует о реальном усвоении населением рыночных принципов распределения. Это касается прежде всего изменения взглядов на причины бедности и богатства, возможности продвижения, роль государства в распределительных отношениях.

Перестройкой структуры повседневной идеологии объясняются и так называемые «парадоксы сознания»: принятие идей рыночной экономики и неприятие предпринимателей, банкиров, менеджеров, торговцев; декларирование приверженности правопорядку и законности и одновременно признание возможности нарушить закон «для пользы дела». Личные качества, которые способствуют приобретению богатства, в массовом сознании, как правило, связываются с качествами отрицательными: нечестностью, коррумпированностью и т.п. В проведенных опросах «успех в жизни» совершенно определенно сопряжен с такими качествами, как «нечестность» и «хитрость»¹⁵.

Более того, после падения жизненного уровня значительной части российского населения наступил своеобразный ренессанс социалистической идеологии, вызванный не теоретико-концептуальной деятельностью лидеров КПРФ, а ретроспективными «первичными» представлениями граждан о лучших сторонах социалистического образа жизни.

«Собственный интерес» основной массы населения, способствующий принятию идеи рынка, противоречил интересу, на базе которого осуществлялись реальные рыночные преобразования в постсоветском обществе. Вторичные, производные представления (созданные идеологами реформирования) вступали в противоречия с первичными, базовыми ценностями. Этим объясняется быстрое разочарование населения в идее рыночного хозяйства¹⁶.

По мнению Л.А. Седова, «социализм в нашей стране реально не изжит. Не вполне изжит он и в головах людей, а это именно то место, где, по утверждению классика, происходит главная разруха»¹⁷. Все отрицательное, что было связано с прежней деятельностью коммунистов, забывается, а прошлое перетолковывается в соответствии с задачами сегодняшнего дня. «В ресоциализации, – пишут П. Бергер и Т. Лукман, – прошлое перетолковывается для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности, в прошлое переносятся разные элементы, которые субъективно в нем отсутствовали. Во вторичной социализации

настоящее интерпретируется так, чтобы оно находилось в последовательном взаимоотношении с прошлым... Иными словами, реальным основанием ресоциализации является настоящее, а для вторичной социализации – прошлое»¹⁸.

Более радикальное объяснение противоречий сознания дают Л.Д. Гудков и М.В. Пчелина, указывая на парадокс, который обнаруживается при ответе на вопрос: «Что нужно сейчас России – демократия или порядок?». Люди вроде бы осуждают прежний тоталитарный режим, но в то же время не жалуют и демократию, преимущественно высказываясь за порядок. По мнению авторов, речь идет о структурных проявлениях постсоветского общества, «его антропологических характеристиках, среди которых одной из важнейших является социальная зависть»¹⁹. Зависть в данном случае рассматривается как «система интернализованных социальных норм и ожиданий, воспроизводящих вполне конкретные представления о социальном порядке...»; это зависть «... не просто к кому-то, ... а механизм неотрадиционалистской блокировки принятия любых форм социального неравенства помимо жесткой иерархии, подавления достижительности...»²⁰.

В обыденном сознании постсоветского периода латентно присутствует идея-ценность, имеющая характер «символического универсума», структурирующего повседневную идеологию. Такой идеей является идея труда, обеспечивающего благосостояние. Различные виды деятельности и получаемый от них доход, социальные позиции и обусловленные ими жизненные стили оцениваются в зависимости от того, что считают трудом и что относят к заработанным благам. Это свидетельствует о том, что социальные представления, как когнитивные компоненты обыденного сознания, не являются исключительно эмоциональными образами социального мира, а представляют собой субъективные конструкции, направленные на рационализацию и объяснение действительности. Именно эти конструкции образуют «повседневную идеологию» и обеспечивают выполнение обыденным сознанием идеологических функций. Совокупность представлений, образующих такую идеологию, является относительно целостной системой субъективных конструкций, характеризующейся большей или меньшей степенью устойчивости.

Думается, именно такая конструкция лежала в основе сформированной сверху «партии власти». «Единая Россия» была образована слиянием нескольких политических движений. Изначально ее организаторы заявили, что главной их задачей является поддержка действий президента, а их идеологией является его послание. По сути дела, вначале была создана пропрезидентская административно-чиновническая партия, под которую стали подбирать идеологию.

Лидеры «Единства», поначалу обходившегося без «идейной родословной», сделали в

конце концов крен в сторону консерватизма и в принятой в октябре 2000 г. программе определили свою организацию как «партию либеральных консерваторов»²¹. Б.В. Грызлов объяснял этот идеологический выбор новыми возможностями консервативного центризма, которые открылись к началу электорального цикла 1999–2000 гг.: «Теперь в стране есть что сохранять и одновременно изменять, – пишет он, – избегая при этом радикализма, каким бы он ни был: коммунистическим, националистическим или либеральным»²².

Вместе с тем, их коллеги из «Отечества», которые вели поиски «на перекрестье идеологий», полагая, что «в современном мире нет такой «готовой» идеологии, которую можно было бы заимствовать, рассчитывая, что она сразу же укоренится в сегодняшней России»²³, вначале проявляли явную симпатию к идеалам социал-демократии.

Эти расхождения не помешали довести объединительный процесс до формально успешного организационного результата. Реальным отличительным пунктом объединительного процесса, который стал системообразующим основанием «центристской идеологии» новой партии, стала ориентация на поддержку действующего президента.

В его послании не изобреталась программа и не навязывалась идеология, а был выявлен минимум базовых ценностей (патриотизм, державничество, государственность), гарантирующий согласие квалифицированного большинства российского населения. На этой основе и была предложена технология позитивного и контролируемого общественного развития²⁴. По мнению Л. Полякова, содержание данного послания характеризует В.Путина как либерального консерватора²⁵.

Последние выборы в муниципальные органы, прошедшие во многих регионах России в марте 2006 г., еще раз подтвердили достаточно высокую технологическую эффективность «Единой России». С одной стороны, такой «центризм» (ценности которого разделяются значительной частью населения России), воплощенный политтехнологами в политическую практику, реально стал политической идеологией многоликкой российской бюрократии (составившей несущую конструкцию партийной организации «Единой России» и ставшей ее главной движущей силой), политической идеологией чиновнического государства. С другой стороны, партия вынуждена не только декларировать расширение своей социальной базы, но и целенаправленно проводить определенные мероприятия по укреплению своих рядов за счет представителей различных социальных групп (прежде всего интеллигенции).

Главным механизмом такого вовлечения является пресловутый административный ресурс, под

воздействие которого в первую очередь попадают учителя, преподаватели вузов, врачи, работники учреждений культуры – одним словом, все, кто находится в бюджетной сфере, и соответственно, в полной зависимости от администрации. В Саратовской области, например, об этом свидетельствует как состав Политсовета «Единой России», в который входят ректоры ведущих вузов города, так и партийный список на выборах депутатов городской думы. В подконтрольных СМИ единокороссы делали акцент на том, что в их списке не только партийные функционеры, но и лучшие представители интеллигенции – «лучший учитель года», преподаватели вузов, творческая интеллигенция.

Очевидно, что наличие такого (искусственно и целенаправленно созданного) социального сегмента в партии в определенной степени повышает ее общий рейтинг среди различных социальных групп. В то же время последствия административного воздействия партии на саму интеллигенцию носят двойственный характер. Включение ее представителей в сферу политических действий и интересов «Единой России» дает возможность публично заявлять о наболевших проблемах в различных сферах общественной жизни и влиять на формулирование программ их разрешения. С другой стороны, грубое администрирование единокороссов напоминает интеллигенции о противоречивом опыте КПСС, когда творческая карьера в любой области ограничивалась либо вхождением (и соответствующим идеологическим контролем), либо невхождением в единственную партию (и соответствующими административными препонами).

Победа такого центризма фиксирует и «консервирует» ситуацию, когда реальный политический диалог между группами социальных интересов в рамках демократической процедуры во время выборов и в ходе парламентской деятельности (на основе идеологического размежевания, взаимной критики друг друга и взаимных компромиссов) не происходит. Соответственно не происходит и усиление роли рефлексивного начала в политической культуре различных социальных групп, не исключая и интеллигенцию. Политический процесс (вместо идеологических координат: «правый», «левый», «либеральный», «консервативный», «социал-демократический») разворачивается в координатах «стабильность – нестабильность» власти, «лояльность – нелояльность» президенту.

Примечания

- 1 См.: *Аберкромби Н., Хилл С., Тернер С.* Социологический словарь. Казань, 1997. С. 98.
- 2 См.: *Поттер К.* Эволюционная эпистемология // Эво-

- люционная эпистемология и логика социальных наук. М., 2000. С. 71.
- 3 *Манхейм К.* Идеология и утопия // *Диагноз нашего времени.* М., 1994. С. 60, 73.
- 4 См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М., 1955. С. 22.
- 5 *Луман Н.* Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // *Социо-Логос.* М., 1991. Вып. 1. С. 199.
- 6 *Маркс К., Энгельс Ф.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М., 1957. Т. 8. С. 145.
- 7 *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 221.
- 8 *Бергер П., Лукман Т.* Указ. соч. С. 157.
- 9 *Бергер П.* Общество в человеке / Пер. с англ. О.А. Оберемко // *Социол. журн.* 1995. № 1. С. 174.
- 10 *Бергер П., Лукман Т.* Указ. соч. С. 155–157.
- 11 См.: *Фестингер Л.* Введение в теорию диссонанса // *Современная зарубежная социальная психология: Тексты.* М., 1984. С. 99.
- 12 См.: *Левада Ю.А.* Возвращаясь к феномену «человека советского»: проблема методологии анализа // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения: Информ. бюл.* 1995. № 6. С. 15.
- 13 См.: *Попова И.М.* Социальные представления в обыденном сознании // *Социс.* 1991. № 11. С. 68–73.
- 14 См.: *Рывкина Р.В.* Между социализмом и рынком: Судьба экономической культуры в России. М., 1994. С. 124.
- 15 См.: *Хахулина Л.А., Стивенсон С.А.* Неравенство и справедливость // *Экономические и социальные перемены...* 1997. № 2. С. 41.
- 16 См.: *Куприянова З.В., Хибовская Е.А.* Вторичная занятость как способ адаптации населения к экономическим реформам // *Куда идет Россия: Альтернативы общественного развития.* М., 1995. Вып. II. С. 95.
- 17 *Седов Л.А.* В стране побежденного социализма // *Экономические и социальные перемены...* 1997. № 2. С. 15.
- 18 *Бергер П., Лукман Т.* Указ. соч. С. 263.
- 19 *Гудков Л.Д., Пчелина М.В.* Бедность и зависть: негативный фон переходного общества // *Экономические и социальные перемены...* 1995. № 6. С. 41.
- 20 Там же.
- 21 См.: *Голос Единства.* 2000. № 5 (4 окт.) С. 1.
- 22 *Грызлов Б.В.* Гражданское общество и перспективы консервативной партийной политики в России // *Гражданский форум.* СПб., 2002. Вып. 2. С. 99–100.
- 23 *Лужков Ю.М., Владиславлев А.П.* С верой в себя и в Россию. Об идеологии «Отечества». М., 2000. С. 11.
- 24 См.: *Россия на рубеже тысячелетия // Независимая газета.* 1999. 30 дек.
- 25 См.: *Поляков Л.* Либеральный консерватор. Именно таким представляется Владимир Путин, судя по его заявлениям // *Независимая газета.* 2000. 2 февр.